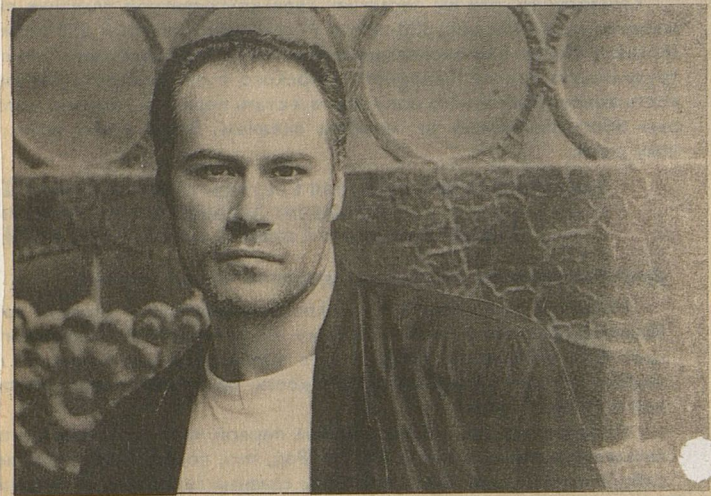

Олег ГУЩИН:

Не надо насиловать позицию

Олег Гушин - заслуженный артист России, актер Театра им. Н.В. Гоголя, поколения 30-40-летних. Приехал в Москву из провинции. Одна из первых столичных работ - спектакль «Там вдали, за бугром». Сейчас занят в трех постановках театра, репетирует чеховского Иванова. В отличие от своих коллег-сверстников не снимается в рекламе и в сериалах, не ведет бизнес, не ходит по презентациям, не рвется на престижные сцены. Поэтому кажется слишком старомодным, всего себя отдает театру.

150

Имя на афише

- В театре, носящем имя русского писателя, вы все больше играете в пьесах западных драматургов. Да и вообще в вашем театре почти не ставят отечественную классику, отдавая предпочтение американским пьесам. Вам это не кажется странным?

- Не знаю, есть ли в этом какой-то тайный умысел. Просто в России появились неизвестные заокеанские пьесы, в частности Теннесси Уильямса. Переводчики Виталий Вульф и Александр Чеботарь отыскали их в Америке. Я до сих пор с удовольствием играю в «Костюме для летнего отеля» - играю историю Фитцджеральда. «Долгий день уходит в ночь» Юджина О'Нила восстановили перед тем, как нас пригласили в Бостон на фестиваль драматурга. Сергей Яшин повторил у нас свою прежнюю постановку, которая шла в Малом театре. Для этой работы в нашей труппе нашлись очень подходящие актеры.

- Яшин намеревался поставить трилогию неизвестных пьес Уильямса. Выпустил два спектакля. Где третий?

- Пьесу «Что-то смутно, что-то ясно» будем репетировать в следующем сезоне, когда выпустим «Иванова». Пожалуй, на этом завершится американский период в жизни нашего театра.

- А дойдет ли черед до Гоголя?

- Яшин хотел поставить «Ревизора» как историю молодых людей, провинциалов, живущих мечтой о столице, а не страхом перед столичной ревизией. Мне эта идея очень близка. Когда работал в Свердловском ТЮЗе, мечтал, что кто-то придет, увидит меня и, может быть, пригласит в Москву. Режиссер отводил мне роль Городничего в «Ревизоре». Жаль, но идея, похоже, канула в Лету. К счастью, совсем неожиданно Яшин решил поставить «Бесприданницу» Островского, где я сыграл Карандышева.

- Театр Гоголя выпускает премьеры без привычной столичной шумихи. Массовый зритель о них не знает. Вам это не обидно?

- Конечно, нужно заниматься рекламой. Иначе не то что о премьере - о существовании спектакля в репертуаре могут не узнать.

- Ваш театр расположен не в самом удачном месте - на задворках Курского вокзала. К вам ходит только «своя» публика!

- К нам не приходит случайный зритель в отличие от удобно расположенных театров. К нам не заходят от скуки, прогуливаясь по бульвару. У нас действительно есть «своя» публика.

- Почему вы не снимаетесь в кино? Не приглашают?

- Были переговоры, были даже пробы. Но что-то менялось, откладывалось, срывалось из-за отсутствия денег. Правда, я не переживаю из-за этого, поскольку не вижу достойных предложений. Вот если бы в театре не получалось... В нашем кинематографе стали работать командами - приглашают только «своих». Сейчас никто не обременяется поиском актеров по всей стране.

- Но ведь и время наступило иное. Никто к актеру не придет, уговаривать не станет. Актер должен сам предлагать себя...

- Есть агентство, которое мной занимается. Предлагает фильмы, радио, рекламу. Но от рекламы я принципиально отказываюсь. Потому что считаю слишком низким ее уровень в нашей стране. Огромные средства и силы тратятся впустую, лишь для того, чтобы кто-то посмотрел и сказал: «А, это вот тот, который...»

- Стоит ли так категорически отказываться от реального заработка?

- Стоит! И так уже затрачено много сил, а нужно идти дальше. Пока держусь, не поддаюсь соблазну. Хотя - кто знает - может, и изменю свои радикальные взгляды. У нас реклама построена совсем не так, как на Западе, строится не на личности. Если за рубежом человек что-то рекламирует, о нем знают все. Знают, что именно он пользуется именно этим товаром. Для этого я, конечно, не настолько популярен. Народ не будет следовать моему призыву.

- Появилась категория молодых актеров, которые не разделяют жизнь на сцене, светскую жизнь и бизнес. Вы не из их числа. Вам это чуждо?

- Замечательно, если актеры к

этому предрасположены и находят в этом удовольствие. Когда же они публично оправдывают свое побочное занятие тем, что жизнь якобы намного интереснее театра, я им не верю. Неужели тусовки и Канары интереснее подмостков? Думаю, такая подмена происходит от нереализованности. Что может быть прекраснее, чем находиться хоть недолго в мире иллюзий? Ради этого я готов отдать все. Хотя, конечно, хотелось бы зарабатывать много, но своей профессией. Тем более что мне коммерция противопоказана. Я это чувствую. При разборе шахматной партии один гроссмейстер хорошо сказал: «Не надо насиловать позицию». Я с ним согласен.

- Но время-то вынуждает крутиться, шустриться...

- Надо оставаться самим собой, хранить индивидуальность. меня и времени-то нет шустриться, бегать. Я много занят в театре, но записываюсь и на радио. Может, что-то получится на телевидении. Предпочитаю депать то, в чем чувствую себя профессионалом. В бизнесе я непрофессионал.

- Заработки в рамках профессии - антрепризы и проч. вас не привлекают?

- Это совсем другое дело. У меня есть два проекта. Быть может, к новому году их осуществлю. Хотя бы один. Пока все замыслы традиционно упираются в поиск денег. А я бы хотел попробовать себя на других сценах. Надо освещаться. Это очень полезно для актера. Раньше хотелось выйти на более престижную сцену. Ждал приглашений. Но, сыграв Карандышева в «Бесприданнице», успокоился, понял, что суетиться не стоит, глупо стремиться лишь бы куда-то влезть. Главное - сделать интересную роль, и все узнают, все придут.

- Такое философское осмысление пришло с возрастом?

- В моей жизни наступил переломный период. Скоро сорок, а это возраст смены идеалов, целей в жизни. Чеховский «Иванов» как раз про это. Что с ним, главный герой не понимает. Он боится расстаться с прошлым на жизненном рубеже. Боится пойти вперед к новым целям и идеалам. Сам Чехов, думаю, очень страдал от этого. Новая перспектива пугает. Она не лучше и не хуже прошлого. Она другая, как солнце. На рассвете, в зените, на закате вроде бы все то же солнце, но другое. Трагедия Иванова в том, что он не может пойти вперед, пытается вернуть былое, боится будущего.

- Вы не боитесь повторить его судьбу?

- Со мной происходит то же самое. Я борюсь сам с собой. Принимаю, что нельзя бросать все на самотек.

- Когда роль полностью соответствует внутреннему состоянию и возрасту актера, это удача?

- Это интересно, но должен оставаться припуск на взгляд со стороны, на отстранение. В Карандышеве это было. А Иванов меня пугает близостью, чуть ли не абсолютным совпадением. Хочется выпустить премьеру поскорее, освободиться. Иванов - человек, ищущий выход из душевного кризиса. Он самый действенный герой пьесы. Просто жизнь его одергивает, резко ставит на место. Только наступает озарение, он прорывается вперед, летит, как жизнь давит его. Кроме того, это одна из самых зрелищных пьес Чехова.

- В Театре Гоголя стремительно сложился ваш дуэт со Светланой Брагарник. Как это произошло?

- Нас свел случай. Впервые мы вышли на сцену вместе в спектакле «Костюм для летнего отеля», где она сыграла жену моего героя. Так и наладились «родственные связи» - дальше мама, потенциальная теща, сейчас она репетирует жену Иванова Сарру. Может, Светлана уже хочет отдохнуть от меня. На сцене у нас с ней непростые отношения. Идет борьба, питающая обоих.

- Что вас привлекает кроме театра?

- Книги. Люблю отдыхать в не-театральном кругу. Играю в футбол.

Беседовали
Елена ЕЛЕНСКАЯ,
Антон МАШИН.